

По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы

Постановление · № 13-П · от 29.06.2004 · Конституционный Суд Российской Федерации · Действует без изменений

Именем

Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы

город Москва 29 июня 2004 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего М.В.Баглая, судей Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, В.Д.Зорькина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, В.О.Лучина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой,

с участием представителей группы депутатов Государственной Думы, направившей запрос в Конституционный Суд Российской Федерации, - депутата Государственной Думы С.А.Попова и адвоката Ю.А.Костанова, постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Е.Б.Мизулиной, представителя Совета Федерации - доктора юридических наук Е.В.Виноградовой, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.А.Митюкова, руководствуясь статьей 125 (пункт "а" части 2) Конституции Российской Федерации, подпунктом "а" пункта 1 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, подпунктом "а" пункта 1 части второй статьи 22, статьями 36, 74, 84, 85 и 86 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос группы депутатов Государственной Думы, в котором оспаривается конституционность указанных законоположений. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В.Селезнева, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Верховного Суда Российской Федерации - судьи Верховного Суда Российской Федерации В.В.Демидова, от Генеральной прокуратуры Российской Федерации - С.Г.Кехлерова, от Федеральной службы безопасности Российской Федерации - Л.Н.Башкатова, от Министерства внутренних дел Российской Федерации - Б.Я.Гаврилова, от Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации - В.И.Селиверстова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л:

1. В запросе группы депутатов Государственной Думы оспаривается конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: частей первой и второй статьи 7, устанавливающих приоритет Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации перед другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами и запрещающих суду, прокурору, следователю, органу дознания и дознавателю применять федеральный закон, противоречащий данному Кодексу, - как не соответствующих предписанию статьи 76 (часть 3) Конституции Российской Федерации о недопустимости противоречия федеральных законов федеральным конституционным законам;

части второй статьи 15, согласно которой функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или на одно и то же должностное лицо, - как освобождающей государственные органы и их должностных лиц - прокурора, следователя, дознавателя от выполнения конституционной обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина и тем самым не отвечающей требованиям статьи 2 Конституции Российской Федерации;

частей шестой и восьмой статьи 234, не допускающих удовлетворение ходатайства защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого, если соответствующее ходатайство не заявлялось в ходе предварительного расследования, и допрос по ходатайству стороны защиты лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, - как необоснованно ограничивающих возможность доказывания невиновности обвиняемого и тем самым не согласующихся со статьями 45, 46 (часть 1) и 55 Конституции Российской Федерации;

статьи 450 и находящейся с ней в системной связи статьи 107 в той части, в какой ими допускается возможность избрания в отношении члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы домашнего ареста в качестве меры пресечения без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания, - как противоречащих статье 98 Конституции Российской Федерации.

Кроме того, заявители просили проверить конституционность пункта 2 части первой статьи 448 УПК Российской Федерации, устанавливавшего, что решение о возбуждении уголовного дела в отношении Генерального прокурора Российской Федерации принимается коллегией, состоящей из трех судей Верховного Суда Российской Федерации, - как возлагающего на суд не свойственную ему функцию обвинения. Однако после того как Федеральным законом от 4 июля 2003 года "О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" названная норма была изменена (в новой редакции ею устанавливается порядок возбуждения уголовного дела в отношении Генерального прокурора Российской Федерации прокурором, на которого в таком случае возлагается исполнение обязанностей Генерального прокурора Российской Федерации), заявители отозвали свой запрос в указанной части. В силу статьи 44 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" это является основанием для прекращения производства по делу в части, касающейся проверки конституционности пункта 2 части первой статьи 448 УПК Российской Федерации.

2. Согласно статье 7 (Законность при производстве по уголовному делу) УПК Российской Федерации суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий данному Кодексу (часть первая); суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта данному Кодексу, принимает решение в соответствии с данным Кодексом (часть вторая).

Действительный смысл оспариваемых положений о приоритете Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами не может быть выявлен без учета места этих положений в системе действующего уголовно-процессуального регулирования.

2.1. В Конституции Российской Федерации термин "федеральный закон" используется для обозначения всех законов, принимаемых федеральным законодателем, - как федеральных законов, принимаемых в обычном порядке, так и федеральных конституционных законов (например, статья 4, часть 2; статья 55, часть 3; статья 76, часть 5; статья 115, части 1 и 3; статья 121, часть 2; статья 125, части 2 и 4), а также в более узком смысле - для обозначения обычных федеральных законов в

отличие от федеральных конституционных законов (например, статья 105, часть 2; статья 107; статья 129, часть 5). При этом Конституция Российской Федерации исходит из верховенства федеральных конституционных законов по отношению к федеральным законам: устанавливая, что и федеральные законы и федеральные конституционные законы, принимаемые по предметам ведения Российской Федерации, имеют прямое действие на всей территории Российской Федерации (статья 76, часть 1), она одновременно закрепляет, что федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам (статья 76, часть 3), и предусматривает особый порядок принятия федеральных конституционных законов (статья 108, часть 1).

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, который, как специально указывает часть первая его статьи 1, основан на Конституции Российской Федерации, в ряде своих положений также непосредственно различает федеральный конституционный закон и федеральный закон (часть четвертая статьи 31; часть четвертая статьи 355), имея в виду под федеральным законом именно обычный федеральный закон (пункты 31, 42 и 44 статьи 5; пункт 1 части второй статьи 37). Кроме того, конкретизируя предписания статьи 15 Конституции Российской Федерации, часть третья статьи 1 УПК Российской Федерации закрепляет, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство; если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные данным Кодексом, то применяются правила международного договора.

Отсюда следует, что положения частей первой и второй статьи 7 УПК Российской Федерации - по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм - не затрагивают определенную Конституцией Российской Федерации иерархию нормативных актов в правовой системе Российской Федерации и не предполагают распространение приоритета Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на разрешение возможных коллизий между ним и какими бы то ни было федеральными конституционными законами, а также между ним и международными договорами Российской Федерации. Если же в ходе производства по уголовному делу будет установлено несоответствие между федеральным конституционным законом (либо международным договором Российской Федерации) и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (который является обычным федеральным законом), применению - согласно статьям 15 (часть 4) и 76 (часть 3) Конституции Российской Федерации - подлежит именно федеральный конституционный закон или международный договор Российской Федерации как обладающие большей юридической силой по отношению к обычному федеральному закону.

2.2. В соответствии со статьей 71 (пункт "о") во взаимосвязи со статьями 10, 49, 50, 76 (часть 1) и 118 (часть 2) Конституции Российской Федерации уголовное судопроизводство представляет собой самостоятельную сферу правового регулирования, а юридической формой уголовно-процессуальных отношений является уголовно-процессуальное законодательство как отдельная отрасль в системе законодательства Российской Федерации. При этом уголовно-процессуальное законодательство - с учетом его особой важности для защиты прав и свобод человека и гражданина и интересов общества в целом - наряду с уголовным законодательством максимально унифицировано путем кодификации.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, который, согласно части первой его статьи 1, устанавливает порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации, будучи обычным федеральным законом, не имеет преимуществ перед другими федеральными законами с точки зрения определенной непосредственно Конституцией Российской Федерации иерархии нормативных актов. В отношении федеральных законов как актов одинаковой юридической силы применяется правило "*lex posterior derogat priori*" ("последующий закон отменяет предыдущие"), означающее, что даже если в последующем законе отсутствует специальное предписание об отмене ранее принятых законоположений, в случае коллизии между ними действует

последующий закон; вместе с тем независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений.

Из принципов правового государства, равенства и справедливости (статьи 1, 18 и 19 Конституции Российской Федерации) вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования. Противоречащие друг другу правовые нормы порождают и противоречивую правоприменительную практику, возможность произвольного их применения, ослабляют гарантии государственной защиты конституционных прав и свобод. По смыслу этих положений Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 4 (часть 2), 15 (части 1 и 4), 71 (пункт "о"), 76 (части 1 и 2) и пункта 2 раздела второго "Заключительные и переходные положения", структурирование системы федерального законодательства, по общему правилу, предполагает, что установление новых норм, регулирующих уголовно-процессуальные отношения, - согласно самой сути и природе уголовно-процессуального закона - должно быть согласовано с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, представляющим собой (как и соответствующие международные договоры Российской Федерации) одну из составных частей действующего уголовно-процессуального законодательства. Появление в регулировании уголовного судопроизводства нормативных положений, противоречащих Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, может создать неопределенность в правовом положении участников судопроизводства, привести к нарушениям прав и законных интересов граждан и, в конечном счете, - к дестабилизации единого правового пространства в сфере уголовного судопроизводства. По существу, требование о приоритете Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в установлении порядка уголовного судопроизводства (без соблюдения которого никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию), сформулированное в частях первой и второй статьи 7 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с его статьями 1 и 8 и относящееся к процессуальному праву, корреспондирует максимально кодифицированному состоянию уголовного права, обеспечивая наиболее адекватную процессуальную форму его реализации как права материального. При этом законодатель исходил из особой роли, которую выполняет в правовой системе Российской Федерации кодифицированный нормативный правовой акт, осуществляющий комплексное нормативное регулирование тех или иных отношений.

Следовательно, федеральный законодатель - в целях реализации конституционных принципов правового государства, равенства и единого режима законности, обеспечения государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовной юстиции, - кодифицируя нормы, регулирующие производство по уголовным делам, вправе установить приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед иными федеральными законами в регулировании уголовно-процессуальных отношений.

2.3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации как систематизированный свод правовых норм, во взаимосвязи и содержательном единстве регулирующих уголовное судопроизводство в целом и отдельные его части, этапы, стадии, институты - с учетом их общих свойств, специфических черт и проявлений, - призван обеспечить единообразие и согласованность нормативно-правовых установлений и складывающейся на их основе правоприменительной практики, чем и обуславливается закрепление приоритета данного Кодекса в качестве закона, регулирующего производство по уголовным делам. Такие установления, не нарушая прерогатив федерального законодателя вносить изменения и дополнения в действующее уголовно-процессуальное законодательство, в то же время облегчают работу правоприменителя, поскольку законодательство становится обзримым и тем самым в правоприменении существенно снижаются риски искажения аутентичной воли законодателя.

Вместе с тем приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед другими обычными федеральными законами не является безусловным, а ограничен рамками специального предмета регулирования, которым, как это следует из его статей 1-7, является порядок уголовного судопроизводства, т. е. порядок производства (досудебного и судебного) по уголовным делам на территории Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях уже подчеркивал необходимость учета особенностей предмета регулирования тех или иных законодательных актов при разрешении возникающих между ними коллизий (постановления от 27 марта 1996 года по делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации "О государственной тайне" и от 23 апреля 2004 года по делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов "О федеральном бюджете на 2002 год", "О федеральном бюджете на 2003 год", "О федеральном бюджете на 2004 год" и приложений к ним). В Постановлении от 27 февраля 2003 года по делу о проверке конституционности положения части первой статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что в силу статей 46, 47, 49 (часть 1), 50, 118 и 126 Конституции Российской Федерации и конкретизирующих их норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в правовой системе Российской Федерации нормы, призванные определять порядок осуществления уголовного преследования и возложения на лицо уголовной ответственности и наказания, а также порядок исполнения и отбывания наказания, не могут подменять или отменять положения уголовного законодательства, определяющие преступность и наказуемость деяний, а также виды и размеры наказаний.

С учетом требований Конституции Российской Федерации и решений Конституционного Суда Российской Федерации положения частей первой и второй статьи 7 УПК Российской Федерации закрепляют приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед другими обычными федеральными законами лишь постольку, поскольку уголовно-процессуальным законом в Российской Федерации является именно данный Кодекс (статьи 2-4 УПК Российской Федерации) - подобно тому, как уголовным законом является Уголовный кодекс Российской Федерации (часть первая статьи 3 УК Российской Федерации, пункт 57 статьи 5 УПК Российской Федерации), - и поскольку другими федеральными законами, как относящимися к иным отраслям законодательства, не должно - исходя из закрепленного в уголовно-процессуальном праве принципа законности при производстве по уголовному делу и очерченного в самом Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации предмета регулирования - осуществляться регулирование именно уголовно-процессуальных по своей правовой природе отношений.

2.4. Таким образом, части первая и вторая статьи 7 УПК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения о приоритете Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед иными федеральными законами и нормативными правовыми актами - по их смыслу в системе действующего правового регулирования - не подразумевают разрешение возможных коллизий между данным Кодексом и какими бы то ни было федеральными конституционными законами и распространяются лишь на случаи, когда положения иных федеральных законов, непосредственно регулирующие порядок производства по уголовным делам, противоречат Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации.

3. Согласно статье 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Применительно к уголовному судопроизводству, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, это означает, что функция разрешения уголовного дела отделена от функций обвинения и защиты и осуществление каждой из них возлагается на различных субъектов уголовного судопроизводства. В соответствии с названным конституционным принципом Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет, что суд не является органом уголовного преследования, не

выступает на стороне обвинения или стороне защиты и создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (часть третья статьи 15), а также устанавливает правовой статус лиц, представляющих в уголовном процессе стороны обвинения и защиты, исходя из существа возлагаемых на каждую из этих сторон процессуальных функций (главы 6 и 7), обеспечивая тем самым их реальное разделение.

Осуществляя от имени государства уголовное преследование по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, прокурор, а также следователь, дознаватель и иные должностные лица, выступающие на стороне обвинения, должны подчиняться предусмотренному Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации порядку уголовного судопроизводства (часть вторая статьи 1), следуя назначению и принципам уголовного судопроизводства, закрепленным данным Кодексом: они обязаны всеми имеющимися в их распоряжении средствами обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (статья 11), исходить в своей профессиональной деятельности из презумпции невиновности (статья 14), обеспечивать подозреваемому и обвиняемому право на защиту (статья 16), принимать решения в соответствии с требованиями законности, обоснованности и мотивированности (статья 7), в силу которых обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения. Каких-либо положений, допускающих освобождение прокурора, следователя, дознавателя от выполнения этих обязанностей, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в том числе оспариваемая депутатами Государственной Думы часть вторая его статьи 15, согласно которой функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо, не содержит.

Следовательно, по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм положения части второй статьи 15 УПК Российской Федерации не исключают необходимость использования прокурором, следователем, дознавателем в процессе уголовного преследования всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Осуществление указанными лицами своей процессуальной функции именно в таком объеме, гарантируемое особым процессуальным статусом и полномочиями прокурора, следователя, дознавателя, а также наличием судебного контроля в отношении их действий и решений, включая контроль со стороны апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, обеспечивает в рамках уголовного судопроизводства выполнение государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, их обеспечению правосудием (статьи 2 и 18 Конституции Российской Федерации). Таким образом, положения части второй статьи 15 УПК Российской Федерации не нарушают гарантируемые Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина, а также закрепленные в ней принципы правосудия и, следовательно, не противоречат Конституции Российской Федерации.

4. Согласно статье 49 (часть 1) Конституции Российской Федерации каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Доказывание в уголовном судопроизводстве состоит в собирании, проверке и оценке доказательств и осуществляется дознавателем, следователем, прокурором и судом (статьи 14, 85 и 86 УПК Российской Федерации).

Исходя из предписаний статей 2, 18 и 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации о том, что государственная защита прав и свобод человека и гражданина гарантируется и именно права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием, дознаватель, следователь, прокурор и суд, осуществляя доказывание, обязаны принимать в

установленных процессуальных формах все зависящие от них меры к тому, чтобы были получены доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления.

Обвиняемый в соответствии со статьей 49 (часть 2) Конституции Российской Федерации не обязан доказывать свою невиновность. Однако это не означает, что в случае отказа обвиняемого от участия в доказывании или неспособности по каким-либо причинам осуществлять его, доказательства невиновности могут не устанавливаться и не исследоваться. То обстоятельство, что обвиняемый воспользовался названным конституционным правом, не может служить основанием ни для признания его виновным в инкриминируемом преступлении, ни для наступления каких-либо неблагоприятных последствий, связанных с применением процессуальных санкций, в том числе с ограничением возможности реализации им своих процессуальных прав.

Между тем часть шестая статьи 234 УПК Российской Федерации, согласно которой ходатайство стороны защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого подлежит удовлетворению лишь в случае, если оно заявлялось в ходе предварительного расследования и было отклонено дознавателем, следователем или прокурором, а также может быть удовлетворено в случае, если о наличии такого свидетеля становится известно после окончания предварительного расследования, ограничивает обвиняемого в возможности отстаивать в ходе судебного разбирательства свою позицию по уголовному делу, чем нарушается его конституционное право на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, в том числе в суде.

Понуждая обвиняемого ходатайствовать о вызове свидетеля для подтверждения алиби в период предварительного расследования, т. е., по существу, - к отказу от гарантированного Конституцией Российской Федерации права не доказывать свою невиновность, названная норма фактически вводит процессуальную санкцию за использование этого конституционного права.

Таким образом, часть шестая статьи 234 УПК Российской Федерации в той мере, в какой содержащейся в ней нормой исключается возможность удовлетворения судом ходатайства стороны защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого, если, несмотря на то что о наличии такого свидетеля ей было известно в период предварительного расследования, соответствующее ходатайство в этот период не заявлялось и не было отклонено дознавателем, следователем, прокурором, не соответствует статьям 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 49 (часть 2) Конституции Российской Федерации.

5. В соответствии со статьей 51 Конституции Российской Федерации никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом (часть 1); федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания (часть 2).

Освобождение лица от обязанности давать показания, могущие ухудшить положение его самого или его близких родственников либо привести к разглашению доверенной ему охраняемой законом тайны, т. е. наделение этого лица свидетельским иммунитетом, является одной из важнейших и необходимых предпосылок реального соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем применительно к уголовному судопроизводству свидетельский иммунитет, по смыслу статьи 51 Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее пункта 40 статьи 5, статьи 56 и части восьмой статьи 234 УПК Российской Федерации, не может рассматриваться в качестве препятствия для реализации лицом, обладающим таким иммунитетом, права использовать известные ему сведения, в том числе в целях обеспечения и защиты прав и законных интересов лиц, которых эти сведения непосредственно касаются.

Правовая позиция по вопросу о возможности допроса лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, ранее уже была выражена Конституционным Судом Российской Федерации. В Определении от 6 марта 2003 года по жалобе гражданина Г.В.Цицкишвили Конституционный Суд Российской Федерации, признав допустимым при определенных обстоятельствах допрос лиц, обладающих

свидетельским иммунитетом, указал на то, что безусловный запрет допроса этих лиц во всяком случае приводил бы к нарушению конституционного права на судебную защиту и искажал бы само существо данного права.

Согласно части восьмой статьи 234 УПК Российской Федерации по ходатайству сторон в качестве свидетелей могут быть допрошены любые лица, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов, за исключением лиц, обладающих свидетельским иммунитетом. Из данной нормы во взаимосвязи с пунктом 40 статьи 5, статьей 56, частью четвертой статьи 271 и статьей 278 УПК Российской Федерации не следует, что запрет обязывать лицо, обладающее свидетельским иммунитетом, давать показания относительно обстоятельств досудебного производства исключает право такого лица дать соответствующие показания в случае, если оно согласно на это, при условии, что ему как свидетелю разъясняется возможность использования показаний в качестве доказательств по уголовному делу.

С учетом выявленного в Определении от 6 марта 2003 года и настоящем Постановлении конституционно-правового смысла положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о свидетельском иммунитете часть восьмая статьи 234 УПК Российской Федерации не исключает возможность допроса, в том числе по ходатайству стороны защиты, лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов при условии их согласия на это и, следовательно, не ограничивает гарантии судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе, закрепленные статьями 45, 46, 49-51, 118 и 123 Конституции Российской Федерации.

6. Согласно статье 98 Конституции Российской Федерации члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы обладают неприкосновенностью в течение всего срока их полномочий; они не могут быть задержаны, арестованы, подвергнуты обыску, кроме случаев задержания на месте преступления, а также подвергнуты личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других людей (часть 1); вопрос о лишении неприкосновенности решается по представлению Генерального прокурора Российской Федерации соответствующей палатой Федерального Собрания (часть 2).

Неприкосновенность (парламентский иммунитет), как указано в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 1996 года по делу о проверке конституционности положений статей 18, 19 и 20 Федерального закона "О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации", - один из основных элементов статуса парламентария, важнейшая правовая гарантия его деятельности; она имеет публично-правовой характер и призвана служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом личности парламентария в силу осуществляемых им государственных функций, с тем чтобы оградить его от необоснованных преследований, способствовать беспрепятственной деятельности парламентария и тем самым - парламента, их самостоятельности и независимости; Конституция Российской Федерации, определяя в статье 98 лишь общее направление и условия действия депутатской неприкосновенности, в целях обеспечения основ конституционного строя, связанных с осуществлением народовластия (статья 3), с разделением властей и самостоятельностью органов законодательной власти (статья 10), созданием условий для беспрепятственной деятельности парламента, допускает возможность конкретизации ее положений в федеральном законодательстве.

Соответствующая конкретизация осуществлена, в частности, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Согласно части второй его статьи 447 порядок производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, в том числе членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, определяется данным Кодексом с изъятиями, предусмотренными его главой 52. Одно из таких изъятий установлено в статье 450 УПК Российской Федерации, определяющей

особенности избрания меры пресечения и производства отдельных следственных действий, которая непосредственно предусматривает гарантии их статуса только в связи с применением в качестве меры пресечения заключения под стражу. Отсутствие в данной статье прямого указания на согласие соответствующей палаты Федерального Собрания как на обязательное условие применения в отношении члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы домашнего ареста не может, однако, расцениваться как обстоятельство, свидетельствующее об отсутствии необходимости получения такого согласия в случае применения к этим лицам данной меры пресечения.

Домашний арест в силу статьи 107 УПК Российской Федерации заключается в ограничениях, связанных со свободой передвижения, а также в запрете общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию, вести переговоры с использованием любых средств связи; он избирается в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда при наличии оснований и в порядке, которые установлены статьей 108 УПК Российской Федерации, регламентирующей вопросы избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу. Следовательно, установленные статьей 450 УПК Российской Федерации гарантии неприкосновенности членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы при решении вопроса о применении в отношении них меры пресечения, предусмотренной статьей 108 УПК Российской Федерации, должны обеспечиваться и при решении вопроса о применении в отношении названных категорий лиц домашнего ареста. Иное означало бы преодоление приведенной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, что недопустимо в силу части второй статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации". Таким образом, статья 450 и находящаяся с ней во взаимосвязи статья 107 УПК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу в нормативном единстве со статьей 108 данного Кодекса предполагают применение в отношении членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы меры пресечения в виде домашнего ареста по судебному решению и с согласия соответствующей палаты Федерального Собрания и, следовательно, не противоречат Конституции Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 87 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л:

1. Признать части первую и вторую статьи 7 УПК Российской Федерации, устанавливающие приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед иными федеральными законами и нормативными правовыми актами, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения - по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования - не подразумевают разрешение возможных коллизий между данным Кодексом и какими бы то ни было федеральными конституционными законами и распространяются лишь на случаи, когда положения иных федеральных законов, непосредственно регулирующие порядок производства по уголовным делам, противоречат Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации.
2. Признать часть вторую статьи 15 УПК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм уголовно-процессуального законодательства содержащиеся в ней положения, как не предполагающие ограничение действия конституционного принципа состязательности, не освобождают должностных лиц государственных органов - участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения от выполнения при расследовании преступлений и судебном разбирательстве уголовных дел конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина, в том числе от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, иного ограничения прав и свобод.

3. Признать часть шестую статьи 234 УПК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 49 (часть 2), в той мере, в какой содержащейся в ней нормой исключается возможность удовлетворения судом ходатайства стороны защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого, если оно не заявлялось в ходе предварительного расследования и не было отклонено дознавателем, следователем, прокурором.
4. Признать часть восьмую статьи 234 УПК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу во взаимосвязи с иными нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации она не исключает возможность допроса лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов при условии их согласия на это.
5. Признать статью 450 и находящуюся с ней во взаимосвязи статью 107 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в нормативном единстве со статьей 108 данного Кодекса они предполагают применение в отношении членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы меры пресечения в виде домашнего ареста по судебному решению и с согласия соответственно Совета Федерации или Государственной Думы.
6. В силу статьи 6 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл положений частей первой и второй статьи 7, части второй статьи 15, части восьмой статьи 234, статей 107 и 450 УПК Российской Федерации является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.
7. Согласно частям первой и второй статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения и действует непосредственно.
8. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете" и "Собрании законодательства Российской Федерации". Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".
- Конституционный Суд
Российской Федерации
N 13-П